

ЛИТКЛУБ

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ выдвинут редакцией «ВК» на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы

Фото Михаила Юма

Пусть правит нажива, дороже еда и одежда, Правители лживы, и рядом бушует война, Покуда мы живы, еще существует надежда, Покуда мы живы и музыка эта слышна.

дено к лаконичной форме: «Еще раз скажешь, что твоя, — пришлем». Угроза была вовсе нешуточной — народ в тех краях подбирался серьезный. «Да за такую песню, — кричали они мне, — надо всю жизнь страдать в зоне! Чтобы ты, фраер с материка, да такую песню придумал? Наша песня, всегда была нашей, понял?» Нашлись даже очевидцы, которые «собственными ушами» слышали эту песню в сороковых в лагерях под Норильском. Через много лет я снова встретился со своей песней в повести безвременно ушедшего из жизни магаданского писателя и геолога Олега Куваева «Территория». Действие повести происходит на крайнем северо-востоке, в районе Магадана. В ней описывается, как из Нагаевской губы под осень уходит «последний караван», жители собираются на берег проститься с уходящим северным летом и поют эту песню, «написанную каким-то местным автором». В середине восьмидесятых на Кольском полуострове, неподалеку от Мурманска, в поселке Заполярный, куда я приезжал в командировку на первую в мире скважину сверхглубокого бурения, начальником которой был Давид Миронович Губерман, старший брат моего друга поэта Игоря Губермана, в местной гостинице я познакомился с молодыми специалистами-врачами, работавшими здесь около года. Узнав, что я геолог и интересуюсь песнями, написанными на Севере, они неожиданно предложили мне показать могилу «человека, который написал песню «На материк». Я очень удивился, но, конечно, немедленно согласился. На следующий день они раздобыли небольшой узик, и мы отправились в тундру. Примерно через час езды по трудной дороге мы прибыли в расположение бывшей «зоны» — несколько барачков, обнесенных уже гнившим от сырых баренцевоморских ветров частокором с покосившимися пулеметными вышками на углах. Эти «типичные» архитектурные сооружения мне доводилось встречать уже неоднократно в Туруханском крае и на Колыме. Неподалеку притулилось небольшое кладбище: два-три покосившихся креста и несколько безымянных камней. Подойдя к одному из камней, один из моих спутников, сняв шапку, произнес: «Ну вот, тут он и лежит. Он прямо в зоне эту песню придумал, здесь его и прикончили». «За что?» — наивно спросил я. «За что?» — за что? За песню, конечно. Ну что ж, надо помянуть!». С этими словами он вынул из внутреннего кармана своей меховой куртки политурку «Московской» и стопку. «Подождите, — смутился я, — а вы уверены, что здесь похоронен именно автор этой песни?» «А разве не Городницкий эту песню написал?» — спросил на этот раз уже они у меня. «Да вроде Городницкий». «Ну вот видишь — а ты сомневался!». Мы наполнили стопку и поочередно помянули безвременно погибшего автора. Потом сели в машину и уехали обратно в Заполярный. Моей фамилии никто, конечно, не спросил.

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

ОТ ЗЛОЙ ТОСКИ НЕ МАТЕРИСЬ

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

Имя поэта и барда Александра Городницкого хорошо известно нашим читателям. «Снег», «Песня полярных летчиков», «Атланты», «Деревянные города», «Перекаты», «На материк», «Над Канадой», «У Геркулесовых столбов» — все это признанная классика авторской песни. Поэт Городницкий — автор 13 книг. Им записано более 30 песенных дисков. Концерты Александра Городницкого с неизменным успехом проходят не только в России, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Его стихи и песни включены в антологию русской поэзии и в школьные учебники. Редакция «Вечернего клуба» представила поэта и автора-исполнителя Александра Городницкого на соискание Государственной премии имени Булата Окуджавы — за поэтические книги 60 — 90-х годов и диски авторских песен, продолжающих высокие традиции русской поэзии. Сегодня мы представляем Городницкого-поэта (стихи из книг «Созвездие Рыбы», «Перелетные ангелы» и «Ледяное стремя») и Городницкого-рассказчика (новеллы о песнях из книги мемуарной прозы «След в океане»).

Кожаные куртки и «Чкалов»

Под впечатлением от общения с полярными летчиками, в 1959 году, во время весновки в Туруханском крае на реке Колу, я написал песенку, им посвященную:

Кожаные куртки,
брошенные в угол,
тряпкой занавешенное
низкое окно.
Бродит за ангаром
северная вьюга,
в маленькой гостинице
пусто и темно.

С песней этой в ту же осень произошла забавная история. Окончив полевые работы, мы детели домой в Ленинград через Туруханск, где застряли на несколько дней ввиду неблагоприятной погоды — пришла ранняя полярная зима и замела Туруханск внезапной вьюгой. Оставалось только дожидаться. Настроение, однако, было приподнятое — после четырехмесячного сидения в тайге мы, наконец, возвращались домой в Ленинград, к чистому белую, к цивилизации, к родным и близким.

Поздней метельной ночью мы почему-то решили зайти «на огонек» в дежурное помещенье начальника туруханского аэропорта. Сам аэропорт представлял собой грунтовую взлетно-посадочную полосу, быстро раскисавшую под любым дождем, а здание аэропорта было обычной потемневшей и покосившейся на мерзлотной почве от времени избушкой. Начальник же аэропорта, судя по рассказам, был человеком далеко не заурядным. Мне уже довелось вскользь познакомиться с ним предвечерней весной в мае, когда, приходя к нему, я безуспешно выпрашивал у него вертолет для заброски на весновку, а он неизменно выставлял меня вон, точно указывая, куда именно я должен пойти. Меня еще тогда поразило его неизменно туманный и похмельный вид, и я интересовался причинами такой постоянной мрачности. Причиной, как выяснилось из рассказов, были серьезные. Всего лишь год назад этот неприветливый и озлобленный человек был майором военной авиации, пилотом первого класса и командовал где-то под Москвой эскадрильей тяжелых реактивных бомбардировщиков. Примерно через месяц ему должны были присвоить очередное воинское звание подполковника и назначить начальником штаба полка. Был он высок ростом, статен и широкоплеч и очень гордился личным сходством с «великим летчиком нашей эпохи» Валерием Павловичем Чкаловым. Именно это сходство его и подвело. Я вспоминаю, как уже где-то в восьмидесятые годы в Центральном Доме литераторов выступал писатель Марк Галлай, в прошлом летчик-испытатель, Герой Советского Союза, с воспоминаниями о своем учителе — Чкалове. «Валерий Павлович, — сказал он, — был человеком большой личной храбрости». Помолчал и добавил: «Любил выражаться по-русски». Снова помолчал и еще добавил: «К женщинам относился конкретно». Примерно такими же чертами отличался и наш герой. Всем

известна нашумевшая в свое время, еще до войны, история, как Чкалов на пари со своими друзьями-летчиками пролетел на самолете под главным пролетом Троицкого моста над Невой в Ленинграде. И хотя он продемонстрировал не только полное свое бесстрашие, но и уникальное пилотское мастерство, его все же надолго уводили из авиации и летать запретили. Герой нашего рассказа, всерьез относясь к своему сходству с великим летчиком, решил во что бы то ни стало повторить чкаловский подвиг. А поскольку больших мостов через реки в Подмоскovie не оказалось, то он на пари с такими же асами посадил свой тяжелый современный реактивный командирский бомбардировщик на Можайское шоссе и посадил, как утверждают очевидцы, классно.

Не успел он принять поздравления и почать бутылку из трех ящиков выигранного им на пари коньяка, как дело о нем уже было передано командованию ВВС. К тому же еще совершенно нектати выяснилось, что по Можайскому шоссе пролегал трасса личных автомашин особо ответственных товарищей. В итоге недолго, но сурового разбирательства бывший командир эскадрильи был от командования отстранен, из майоров разжалован и из военной авиации навсегда уволен. Для исправления он послан был в Туруханск в Полярную авиацию, командовать аэродромом без права полетов. Потому-то и пребывал в перманентно хмуром состоянии. Услышавшая романтическая история только укрепила в нас желание немедленно пообщаться с начальником аэропорта, и мы, несмотря на поздний час, острожно постучались к нему. В его полупустом кабинете на огромном деревянном рубленом столе, за которым он сидел, подперев щеку кулаком, стоял селектор, соединявший его с аэродромными службами, пара телефонов и небольшой дюралевый бачок с «антиобледенителем». «Антиобледенитель» называлась специальная жидкость, которая разбрызгивается на плоскости летящего самолета в северных широтах, чтобы они при полете в облаках и тумане не покрывались льдом и самолет не падал. Говорят, что в последние годы благодаря успехам отечественной (а может быть, зарубежной) химии для летчиков изобрели что-то такое, что можно только лить на плоскости, но в то отсталое время это был чистый спирт-ректификат.

Посидев с хозяином, встретившим нас с неожиданным радушием, минут двадцать, я решился показать ему свою песню про полярных летчиков, не сказав, конечно, что это моя, во избежание неожиданных последствий (я уже говорил, что он был человеком невысказанным). Когда, немного притупив антиобледенителя, я эту песню спел, он действительно совершил поступок довольно неожиданный. Включив селектор, он объявил о аэродромную боевую тревогу, и когда минут через пятнадцать в кабинет набил испуганные и полуодетые люди, он нетвердым голосом приказал: «Немедленно проснуться, от-

ложить все дела и начать разучивать новую песню». На следующий день его сняли с этой должности. В бумаге, посланной по его персональному делу в Главное управление Полярной авиации, значилось, что он, «грубо используя служебное положение, пытался принудить во внеслужебное время сотрудников и сотрудник (подчеркнуто особо) разучивать цензурную песню не известного содержания». Понесенное им вторичное наказание не было, видимо, слишком долгим, уже через пару лет выяснилось, что он снова стал летчиком, на этот раз уже в системе Полярной авиации. А поскольку летчик он был действительно классный, то дела его довольно скоро пошли в гору. К середине шестидесятых он уже стал начальником крупного авиапредприятия на Северо-Востоке, был награжден орденом и впоследствии с почетом ушел на пенсию. А песня осталась на Крайнем Севере как безымянная. Впро-

чем, не совсем безымянная. Как-то раз мне довелось лететь самолетом из Мурманска в Москву. Седой командир корабля с многочисленными орденскими планками на тужурке, идя по проходу между креслами, оглянулся на меня и спросил: «Простите, я не обошелся? Это вы «Кожаные куртки» написали?» «Я», — сознался я, смутившись. «Напишите мне что-нибудь на память. Это ведь наша песня».

«Слова народные, автора скоро выпустят»

В северных экспедициях я впервые столкнулся со странными песнями, которые пели наши рабочие. Никто не знал их авторов, «просто слышали и все». Говорилось еще и так: «Слова народные, автора скоро выпустят». Песни эти пелись, конечно, не под гитару, а просто так — вечером у костра или прямо у палатки. К одному поющему поемному не торопливо присоединялись другие. Каждый пел не для других, а как бы только для себя, неспешно вдумываясь в произнесения слова. Незримая общность того, о чем говорилось в песне, объединяла поющих, и возникало подобие разговора и того странного точного взаимопонимания, которого я не встречал в других местах. Так я впервые понял, что песня может быть средством общения, выражением общего страдания, усталости, грусти. От того, что и жили вместе, и страдали. Стихи здесь не котировались — они считались проявлением слабости, сентиментальности. Песня — совсем другое дело. Все они были, конечно, разные, но тональность их, полное отсутствие бодрости и фальши, точная психологическая правдивость иногда навывных, но всегда искренних слов — были неизменны. Именно там, на Севере, подражая этим услышанным песням, я начал придумывать какие-то нехитрые мотивы на собственные стихи и петь их у костра, не сообщая при этом своего авторства. Так я всерьез начал писать песни, некоторые из которых до сих пор считаются «народными», такие, например, как «Перекаты», «Снег» или «От злой тоски не матерись».

История этой последней песни довольно примечательна. Я написал ее в Туруханском крае в 1960 году как подражание «зевковским» песням, которых наслушался к тому времени уже немало. Песня, видимо, прижилась. Уже на следующий год во время полевых работ после какого-то сабанту наши рабочие, среди которых бывшие зеки составляли немалую часть, слегка подвыпив, стали петь «старые лагерные» песни и, к моему удивлению, спели эту мою. Поскольку был я еще молод, глуп и тщеславен, то немедленно заявил о своем авторстве. Вот этого-то, оказывается, и нельзя было делать. Все, что было мне сказано в ответ, практически на русский язык не переводится, а то, что переводится, может быть све-

Их нежные крылья обжигает мороз.
Опускаются ангелы на крыши зданий,
И на храмах покинутых ноют они,
А наутро снимаются в полет свой дальний,
Потому что коротки весенние дни.

И когда ветры теплые в лицо дуют,
И от лени последней ты свой вырвешь плем,
Чтобы не оказаться за границей,
Осенит твою бабку седую
Осенит избавление лебединым крылом.

Вы не плачьте, братишечки,
по давним семьям,
Вы не врите, братишечки,
про утраченный юг,
Перелетные ангелы летят на север,
И тяжелые крылья над тундрой понот.

Спасибо, что петь разрешили,
Спасибо, спасибо,
Мы все в синяках и ушибах,
Нам петь — не по силам,
Мы все на дороге к погосту,
В долгах и беззонтах,
Оставьте свое злонство,
Оно бесполезно.

Спасибо, что петь разрешили,
Спасибо, спасибо,
Мы стали седеи и плешивы
И смотрим спесиво,
Поют о другом иноверцы
С других пьедесталов,
Старались голое, и сердце
Устало, устало.

Спасибо, что петь разрешили,
Спасибо, спасибо,
Мы не были непогрешимы,
Но благ не просили,
От мест отремевшего боя,
Где нет обелиска,
Мы песни уносим с собою
Не близко, не близко.

Спасибо, что петь разрешили,
Но чуточку поздно,
В январской заснеженной шпире
Светло и морозно,
Надолго ли нынче на свете
Погода такая?
А песня кружится, как ветер,
Смолкая, смолкая.

Актёр Никулин жаловался мне
Среди холмов Израйля отвесных:
Ему, артисту, нестерпимо тесно
В библийской этой маленькой стране,
Где наизусть изучены давно
Одни и те же улицы и лица,
И скорость превышать запрещено,
Чтобы не оказаться за границей,
«Бывало, прилетаешь из Читы,
В Москве — спектакль, назавтра
в Минске — проба,
Народу — тьма и расстояний — прора,
А здесь все глухо, как под крышкой гроба,
С ума сойдешь от этой тесноты,
Здесь тягостно и душно, как в метро,
И хочется повеситься порою».
Вокруг дышало каменной жарю
Веселенной обнаженное нутро.
И я смотрел на край лиловых гор
Под небом, остывающим и красным,
И времени немереный простор
Мне дул в лицо из узкого пространства.

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не крутить нам по комнатам
Перелетные ангелы летят на север,
Опять под Москвою сегодня жара,

Пожароопасно.
Кавказца свистком тормозят мусора
И требуют паспорт.
Хозяйского сада зеленый поддон
Плодами гниющими выслан,
И яблоко звонко стучится о дом,
Как выстрел.
В последние годы такой урожай
Не вспоминаю, пожалуй.
Земля, что грибы начинает рожать,
И источник пожара.
В сухую погоду поди уследи
Десяне лихое,
Уж лучше ненастье, глухие дожди,
И холод.
Но в свежих венках
деревенский погост,
И в храме негромкое пенье,
Напомним о том, что кончается пост,
Успенье.
Мадонна-заступница, охолони
Безумье людское!
Пропитаны дымом горящей Чечни
Леса Подмоскovie.

Над клевером зависшая пчела,
Мохнатая, в тигриной позолоте,
Как уголек негаснущий света,
И тяжела, как пуля на излете.
Короткий век свой жить какой ей толк
С совещаниями липкими в обнимку?
Что значат для нее любовь и долг,
И Родина? Согласно Метерлинку,
Неизмеримо больше, чем для нас.
Мы чужаки в рассветном этом дыме.
Мерцающий в тумане Волопас
Не нас пает под звездами своими.
Нам не вписаться в гармоничный ряд
Земных зверей, растений и мелодий,
Где о свободе вслух не говорит,
А просто умирают в несвободе.
И сколько к мирозданию ни вяжись,
Любые рассуждения напрасны
О смысле бытия, поскольку жизнь
Бессмысленна, недолга и прекрасна.

Спасибо, что петь разрешили,
Спасибо, спасибо,
Мы не были непогрешимы,
Но благ не просили,
От мест отремевшего боя,
Где нет обелиска,
Мы песни уносим с собою
Не близко, не близко.

Спасибо, что петь разрешили,
Но чуточку поздно,
В январской заснеженной шпире
Светло и морозно,
Надолго ли нынче на свете
Погода такая?
А песня кружится, как ветер,
Смолкая, смолкая.

Актёр Никулин жаловался мне
Среди холмов Израйля отвесных:
Ему, артисту, нестерпимо тесно
В библийской этой маленькой стране,
Где наизусть изучены давно
Одни и те же улицы и лица,
И скорость превышать запрещено,
Чтобы не оказаться за границей,
«Бывало, прилетаешь из Читы,
В Москве — спектакль, назавтра
в Минске — проба,
Народу — тьма и расстояний — прора,
А здесь все глухо, как под крышкой гроба,
С ума сойдешь от этой тесноты,
Здесь тягостно и душно, как в метро,
И хочется повеситься порою».
Вокруг дышало каменной жарю
Веселенной обнаженное нутро.
И я смотрел на край лиловых гор
Под небом, остывающим и красным,
И времени немереный простор
Мне дул в лицо из узкого пространства.

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не крутить нам по комнатам
Перелетные ангелы летят на север,
Опять под Москвою сегодня жара,

Спасибо, что петь разрешили,
Спасибо, спасибо,
Мы не были непогрешимы,
Но благ не просили,
От мест отремевшего боя,
Где нет обелиска,
Мы песни уносим с собою
Не близко, не близко.

Спасибо, что петь разрешили,
Но чуточку поздно,
В январской заснеженной шпире
Светло и морозно,
Надолго ли нынче на свете
Погода такая?
А песня кружится, как ветер,
Смолкая, смолкая.

Актёр Никулин жаловался мне
Среди холмов Израйля отвесных:
Ему, артисту, нестерпимо тесно
В библийской этой маленькой стране,
Где наизусть изучены давно
Одни и те же улицы и лица,
И скорость превышать запрещено,
Чтобы не оказаться за границей,
«Бывало, прилетаешь из Читы,
В Москве — спектакль, назавтра
в Минске — проба,
Народу — тьма и расстояний — прора,
А здесь все глухо, как под крышкой гроба,
С ума сойдешь от этой тесноты,
Здесь тягостно и душно, как в метро,
И хочется повеситься порою».
Вокруг дышало каменной жарю
Веселенной обнаженное нутро.
И я смотрел на край лиловых гор
Под небом, остывающим и красным,
И времени немереный простор
Мне дул в лицо из узкого пространства.

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не крутить нам по комнатам
Перелетные ангелы летят на север,
Опять под Москвою сегодня жара,